

Вечен ли Набоков? | Nabokov est-il là à jamais ?

Auteur: © Жорж Нива Перевод © Н. Сикорской , [Монтрише](#) , 03.08.2023.

Мемориальная доска на доме на улице Б. Морская в Санкт-Петербурге Photo © Nashagazeta

В то время как в Фонде Яна Михальского продолжается выставка, посвященная Владимиру Набокову, нам показалось интересным поделиться размышлениями о творчестве русского писателя известного французского слависта, профессора

Жоржа Нива.

|

Lors de l'exposition consacrée à Vladimir Nabokov qui a lieu à la Fondation Jan Michalski, voici quelques réflexions sur le célèbre écrivain de l'éminent slaviste français professeur Georges Nivat.

Nabokov est-il là à jamais ?

Мы – в купе поезда, в начале русского романа, из которого изгнаны все русские темы, что следует уже из названия: «Король, дама, валет» – книга как карточная игра.

«Вне солнцем освещенной страницы не существовало сейчас ничего. Он перевернул страницу, и весь мир, жадно, как игровая собака, ожидавший это мгновение, метнулся к нему светлым прыжком, – но ласково отбросив его, Драйер опять замкнулся в книгу». Это – игра, об этом говорит название, а развитие идеи дает роман. Здесь будет убийство, потому что вся литература, начиная с Каина и Абея в Книге книг, еврейской Библии, и следующей за ней «Илиадой», – это прежде всего история убийства. Их будет много у Набокова, включая убийство, замаскированное в комментариях к одному из текстов. Будет много изнасилований, от «Лолиты» до «Ады» эта тема станет лишь усиливаться, и наивные читатели будут все больше возмущаться, а автор – развлекаться. Набоков обожал симулированное насилие, вышиваемое из слов и принимаемое читателем за расчетливый удар кинжалом... Он восхищался «Странной историей доктора Джекила и мистера Хайда» Стивенсона, потому что раздвоение между Хайдом и паразитом Джекилом – это сама литературная игра: обманная игра, которых столько в Библии. Лучший пример – интрига Ревекки, чтобы добиться благословения ее мужа, почти 180 летнего и слепого, для второго из их близнецов, Иакова, а не первого, Исава. Чечевичная похлебка, за которую Исав, вернувшись с охоты, якобы продал свое первородство, была бы отменена любым современным судом как мошенничество. Набоков наполняет свои романы подобными мошенничествами. В «Аде» мы в конце концов перестаем понимать, кто из брата с сестрой – близнецов – кто, кто в ответе за что, кто что сделал. Что касается детектива «Король, дама, валет», в нем персонажи собираются совершенно случайно, в купе поезде, где освещенная солнцем страница книги заслоняет весь остальной мир. «Так бывает; очнешься и видишь, скажем, будто сидишь в нарядном купе второго класса, вместе с неизвестной изящной четой, – а на самом деле это – пробуждение мнимое, это только следующий слой сна, словно поднимаешься со слоя на слой и все не можешь достигнуть поверхности, вынырнуть в явь».

Китч не отталкивает Набокова, вопреки всем его яростным атакам на «пошлость» у Гоголя. «Горячее счастье» Франца, соблазненного и овеществленного Мартой, течет по его венам и «капает с его пальцев, как рубиновые капли после укола иглы». Вечный треугольник «муж-жена-любовник» по-прежнему здесь, и муж – «лишний»: забавный и не прямой способ высмеять русскую интеллигенцию, придумавшую этого «лишнего человека» в 19 веке (авторство принадлежит Тургеневу). Мы ничего не делаем, потому что мы – лишние... Набоков развлекается, противопоставляя ему свою Леди Макбет из Берлина и приводя будущую жертву в Музей преступлений с его коллекциями лиц преступников, увеличенных ушей, бесчисленных отпечатков пальцев, выцветших лохмотьев, пыльных пробирок. Игра начинается! Она продолжается в «Отчаянии», герой которого в период с конца 1918 года по середину

1919-го прочел 1800 книг. Донжуанство чтения – или исступленное чтение, как сказали бы сегодня, когда все должно совершаться «в исступлении» – тем более мучительно, что тем временем другие погибают в грязи. Книга должна быть *провокационной* и *шаманской*. Она провоцирует обывателей, благонамеренных и поддакивающих, и провоцирует она их благодаря своему шаманизму: он их околдовывает. И «великие авторы лишь притворяются – например, Мальро, член Международной компании великих клише». (Письмо Набокова его другу Bunny от 27 ноября 1946 года). Катов в «Условиях человеческого существования» Мальро – продолжение Шатова в «Бесах» Достоевского, уже самого по себе омерзительного персонажа, только здесь Шатов описан в спальном вагоне-люкс. Стоит добавить, что Bunny – это американский писатель и критик Эдмунд Уилсон, и что переписка их более чем любопытна, она местами гротескна, потому что Набоков ласково подтрунивает над Bunny, а тот этого не понимает. Иначе говоря, американец с левыми взглядами и ностальгирующий русский эмигрант хорошо относились друг к другу, но с трудом друг друга понимали. Они делали вид, что откровенничают. Вот, например, одно из признаний Володи Bunny: «Сейчас Досто предстоит со мной неприятная четверть часа».

Речь идет о лекциях в Корнуэльском университете, прочитав которые, понимаешь, что Достоевского действительно ожидала неприятная четверть часа, и не только его. Создается впечатление, что игра на уничтожение, практиковавшаяся в ярморочных тирах, забавляла профессора В. В. Набокова, но в гораздо меньшей степени – его студентов, особенно на экзаменах с вопросами типа «какая шляпа была на голове Анны Карениной во время ее первой поездки в Москву?», и без всяких подсказок.

Возвращаясь к роману «Король, дама, валет», надо отметить, что важнейшее в нем – это педантичность в преступлении, в кошмаре, это детальная выдумка в стиле Хичкока, а не сама интрига. Лучше всего говорит об этом сам Набоков в стихотворении 1928 года «Люблю я световые балаганы/все безнадежнее и все нежней./Там сложные вскрываются обманы/простым подслушиваньем у дверей.»

Жорж Нива снимается на Фоне Владимира Набокова (Из личного архива Жоржа Нива)

Роман «Дар» начинается со стихотворения Годунова-Чердынцева о потерянном и обнаруженном мяче. В конце «Других берегов» мы находим рисунок-загадку: «Найдите то, что ищет матрос». В путанице рисунка отгадка видна невооруженным глазом, надо только посмотреть. Читатель находит хорошо спрятанную родину Пушкина, и ужас от слова «конец» в конце фильма или на последней странице романа. Самое очаровательное из очарований – это игра, раздвоение, растроение, поцарапанный диск или записи речи Толстого Эмерсоном в 1909 году: мы слышим, мы не разбираем слов, мы очарованы. Потому что плохо слышать – значит лучше слышать, плохо читать – значит лучше читать. И, возможно, пересекая Ахерон с нашим шутом-автором, мы причалим к Другому миру, полному случайностей. Кстати, Другие миры Набокова заставили поразмышлять многочисленных комментаторов. «Искусство – это божественная игра», говорил Набоков своим студентам, давая им таким образом понять, что он соперник Бога, и эта концепция была очень серьезно воспринята многими исследователями. Что касается меня, то мне скорее кажется, что в этом соперничестве с Богом, как и во всем остальном – раскаты набоковского смеха... Кстати, в первых главах автобиографической книги «Память, говори» или «Другие берега» содержится лукавое подмигивание в сторону бессмертия: «дается смертному редкий случай заглянуть за свои пределы», читаем мы во второй главе, текст которой – словно многослойный торт-наполеон, а сама структура которого – фарс и ловушка.

Разумеется, можно сравнить Набокова с многочисленными литературными течениями 20 века. Создание иного времени, что главное в мире Пруста, где высшее общество

оказывается словно обнаженным, или как у Джойса, где день Блума в Дублине представляет собой двойной лабиринт возвращения Одиссея на Итаку. Поиск дублера времени, лекарства от смертности человека, - навязчивая идея и у Набокова. Однако его цель - не сорвать покров секретности со скрытого марранизма, как у Пруста, или шагать рядом с жителем Дублина, не ведая того повторяющего путешествие Одиссея по дорогам Гомера. Конструкция аккордеона времени у Набокова в каком-то смысле бесцельна.

Можно сказать, что, написав *Bend sinister* («Под знаком незаконорожденных») - еще одно говорящее название, но что оно говорит? - он разделался с кошмаром Гитлера-Сталина, с палачами-деспотами, кружившими по Европе того времени; с теми, кого мы считали исчезнувшими, и которые сегодня, в один прекрасный день, в одну прекрасную ночь вдруг вернулись, застав нас врасплох. Возможно, в этом и состоит способ для истории стать набоковской, того не осознавая. Время-пространство в «Аде», уже набросанное штрихами в «Короле, даме, валете», это время-пространство, которое порой напоминает гротескный космизм братьев Маркс, Чарли Чаплина или Лорела и Харди, чечетка которых так нравилась Набокову. Ведь шуты и мимы, придумывающие волшебный упрощенный мир, ритмичный и многоцветный, более реальны, чем кинематографические новости. В «Машеньке» автор создал из Берлина подобие Cine-Città, в котором русские эмигранты задействованы в массовке. В «Взгляни на арлекинов» мы уже не различаем массовку, актеров, операторов: все окончательно смешано, костюмировано, замаскировано, как самые неожиданные рыбы в Карибском море или скарабеи на острове Ява. В целом можно было бы выдвинуть тезис о том, что Набоков был отцом «игровой» литературы, которая сегодня, кажется, берет верх над литературой «реалистической». Венгерский философ Лукач, оказавшийся беженцем в сталинской Москве, утверждал, что для того, чтобы писать хорошие романы, надо было делать это случайно, невзначай, то есть не желать этого; именно будучи легитимистом, Бальзак, вопреки собственной воле, написал достоверную картину грабительской буржуазии. Именно будучи апологетом ненасилия, Толстой стал «зеркалом революции», согласно выражению Ленина, - говорит Лукач.

Трудно применить формулу Лукача к Набокову: все у него продумано, даже ляпы и промахи. В его рукаве - все приемы канатоходца или ярмарочного фокусника. Трудно сказать, отец ли он «нового романа» французов Клода Симона и Мишеля Бутора или «волшебного реализма» колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса и перуанского романиста Марио Варгаса Льоса. В нем можно увидеть тайного аколита художников-шрифтовиков или «Калиграммы» Гийома Аполлинера. Иными словами, «модерниста вопреки себе», как был прозаиком вопреки себе мещанин во дворянстве. Или еще кукольника, всегда показывающего свою голову вместо того, чтобы ее спрятать, как это делали в тбилисском театре, играя Шекспира с куклами человеческого роста.

При этом он затронул все главные проблемы «века-зверя», по определению Осипа Мандельштама. А именно: изгнание, тиранию, индустриальное убийство человека, все еще недавно запрещенные виды эротики, включая инцест. Мы видим у него борьбу Иакова с ангелом, как у марионеток в Тбилиси. Набоков сделал из английского языка (которым владел с детства, как и французским) свою вторую писательскую фабрику. Фабрику удивительную, почти адскую, где смешение скрещенных языков - своеобразный ответ тиранам, мечтавшим и до сих пор мечтающим запереть все в один застывший язык, в каталог истерически закодированных эмоций, в закрытый «мир». Он жил в век самоубийств народов -

немецкого, русского и многих других. В определенном смысле русский был языком, ему не дававшимся, и, в порядке контрастности, он отказался от него.

Он не выступил с «Обращением к русским» как Томас Манн с «Обращением к немцам». Он скользил, а иногда и прыгал, с одной платформы на другую, из одного Cine-Città в другой, из обрусевшего Берлина, жившего жизнью участника массовой, в воображаемую Канницию его арлекинов – американо-русский Лазурный берег, где жизнью правят кладбища, а загробные миры затмевают реальные.

Это скольжение – отличительная черта Набокова, никто не смог бы его воспроизвести, и именно поэтому его читают и перечитывают, но у него нет «последователей». Да он их и не хотел. Но... он, всегда так нещадно насмехавшийся над рассуждениями университетских профессоров и фрейдистскими резинками, сам стал плодородной почвой, на которой словно грибы произрастают нелепые комментарии и упреки, какой-то бесконечный талмуд. У «набоковианы» длинные зубы и долгая жизнь. Было время, когда я каждое утро и по несколько раз в день получал последние сообщения от племени «набоковедов». Пришлось отстраниться, чтобы не оказаться сожранным ими. В этих сообщениях уточнялся цвет двери его комнаты в Корнуэлле или особый сорт сукна брюк, в которых он охотился за бабочками в окрестностях Монрё. В общем, не желая того, они абсурдно имитировали его грубоватые шутки.

Развлекать — вот первый завет Набокова, и он еще долго будет развлекать всемирную публику. *Выставлять на свет* глупость обывателей – второй его завет. Не факт, что он в этом преуспел. Но чтение этого литературного монстра остается бальзамом для огромной космополитической аудитории, той, которую он любил. Он был русским и знатоком русской стилистики, но уже роман «Дар», отрывки из которого он читал на известном вечере в Париже в январе 1937 года, дали основания наиболее проницательным слушателям заподозрить, что он начинает от него ускользать. Было ли его целью войти прямым в каталог «мировой литературы», по определению Мартина Бодмера и его друга Вячеслава Иванова? Рядом с египетской «Книгой мертвых» или «Божественной комедией»? Наверняка нет! Ему было на это наплевать, хотя его творчество, особенно американского периода, от «Лолиты» до «Ады», переполнено отсылками к античной мифологии. Приап там – первый из богов, а приапизм – главная движущая сила. Но просвечивал в нем и еврейский Ветхий завет, что объяснил Ефим Караганов в его проливающей на многое свет книге. «Ада, или Радости страсти» – это настоящий лабиринт аллюзий, насмешек, мстительных подражаний и трюков фокусника. Когда Ван притворяется пишущим, в седьмой главе второй части, свой *opus majus*, являющийся «отрицанием пространства», – опус, так и не законченный, но послуживший предисловием к «Строению пространства», то высмеянию подвергается Кант и вся метафизика «за и против». Собственно, вся мировая литература перемалывается на этой словесной мельнице. Веку Сартра и Хейдеггера Набоков противопоставляет свой почти раблезианский смех. Времени метафизиков Ван противопоставляет «время, которое течет в клепсидре и в ватер-клозетах». Не существует «школы смеха», хотя трюки производителя смеха давно известны, собраны в каталоги и остаются все теми же. Теми же, да, но все дело в вариациях. Точно также, как для 250 тысяч видов бабочек, включая открытых Набоковым. Эти бесконечные вариации, которые Набоков изобретал взахлеб, составляют его несокрушимую привлекательность. Несокрушимую и дерзкую в нашем невозможно серьезном мире.

Так что перевернем скорее страницы, как Драйер в своем купе, наслаждаясь при

этом отвлекающим нас лучом солнца...

[Владимир Набоков](#)

[Жорж Нива](#)

Статьи по теме

[«Владимир Набоков: Берега сочинительства»](#)

[«Ангельские стихи» Владимира Набокова](#)

[Архив Набокова уехал из Монрё в Санкт-Петербург](#)

[Владимир Набоков - история одного интервью](#)

Source URL: <https://www.nashagazeta.ch/news/culture/vechen-li-nabokov>